

Gabor O. Nagy. Abriss einer funktionellen Semantik. — Budapest, 1973. 124 стр.

Рецензируемая книга — «Очерк функциональной семантики» — написана на основе курса лекций, прочитанных автором в Геттингенском университете в 1968 г. Этим обстоятельством объясняются некоторые особенности книги: немногочисленность библиографических справок, характер иллюстративного материала и др. Автор — Г. Надь — известный венгерский лексикограф, один из редакторов семитомного толкового словаря венгерского языка (1959—1962), составитель фразеологического (1966), малого толкового (1972), синонимического словарей этого языка, теоретически обобщает в ней некоторые стороны своей лексикографической практики. Таким образом, книга представляет интерес преимущественно в аспекте теоретической лексикографии, которая сформировалась в последние десятилетия как особая отрасль языкознания благодаря работам ученых, обобщавшим свой опыт составления словарей¹.

Одной из сложнейших теоретических и практических проблем лексикографии является соотношение между языком и речью в словаре: словарь показывает отдельные слова, тогда как люди говорят фразами. Анализ этой проблемы и посвящена большая часть книги. Автор выступает как убежденный «контекстуалист», «реченик», подчеркивающий важность контекста для лексикологических и лексикографических работ. Контекстуальный подход, оппозиция языка и речи побуждает автора ввести соответствующие терминологические разграничения. Лексической единице (слову, устойчивому словосочетанию) и ее значению в языке соответствует семема и ее функция в речи. Семема определяется, следовательно, как единица смысла речи, выступающая в форме слова или фразеологической единицы.

¹ Именно на основе теоретического осмысления собственного опыта был создан и первый труд, положивший начало теоретической лексикографии как науке: «Опыт общей теории лексикографии» Л. В. Щербы, так же как и последующие работы Х. Касареса, Б. Мильорини, О. С. Ахмаковой и др. (см. библиографию в кн.: L. Z g u s t a, Manual of lexicography, Praha, 1971, стр. 10—12). Эта серия работ по теоретической лексикографии в последние годы дополнялась книгами: J. R e y - D e b o v e, Etude linguistique et sémiotique des dictionnaires français contemporains, The Hague—Paris, 1971; J. D u b o i s, Cl. D u b o i s, Introduction à la lexicographie: le dictionnaire, Paris, 1971; «Slovo a slovník», Bratislava, 1973; В. П. Берков, Вопросы двуязычной лексикографии, Л., 1973.

Развивая взгляды венгерского лингвиста З. Гомбоца, Г. Надь определяет функцию семемы как ее способность вызывать в сознании говорящих определенное представление, понятие. Задачу лексикографа автор видит в том, чтобы переходить от единиц смысла в речи (семем) к установлению значений абстрагированных от контекста слов.

Контекстуальный подход обуславливается самой общественной функцией языка. Язык — средство общения, но люди говорят не отдельными словами, но в с к а з ы в а н и я м и. Отделять слово от контекста, говорит автор, «это все равно, что извлекать рыбу из воды»: можно изучать при этом внутреннее строение (анатомию) объекта, но не его реальную жизнь в естественной среде (стр. 14). Вопреки тому, что иногда полагают, лексикограф, создавая словарь, отнюдь не уничтожает и не разрушает контексты: последние представлены в словаре в типизированном, обобщенном виде, показывая различные функции слова. В словаре живые контексты преобразуются в «скелеты контекстов», в «элементарные контексты», откуда устраняется все единичное, чисто речевое. Итак, отправляясь от единичных речевых актов, научная лексикография не должна останавливаться на них, но двигаться к обобщенным фактам языка. Две опасности подстерегают исследователя, исходящего из контекста: а) он не «поднимается» от речи к языку, б) он не учитывает системность языка, трактуя словарные единицы как разрозненные факты. Книга ставит себе задачей показать пути преодоления этих трудностей. После изложенной нами вводной главы («Цели и методы исследования») следует глава «Виды и свойства контекста», поскольку функциональный анализ семем начинается с их исследования в контексте; затем в отдельных главах рассматриваются три основные выделяемые автором функции семем: номинативная, грамматическая, стилистическая. Книга завершается главой «Синонимия», где обсуждаются пути построения системы семем.

В главе «Виды и свойства контекста» автор обосновывает точку зрения, согласно которой не всякий языковой акт должен использоваться как лексикографический материал. Он различает понятия: к о м м у н и к а т и в н а я е д и н и ц а (любое сообщение) и к о н т е к с т (коммуникативная единица, обладающая определенными свойствами: понятностью, правильностью с точки зрения данного языкового коллектива). Только контекст может быть объектом для функционального анализа семем. Однако не всякий контекст подходит для этой задачи. Различаются ситуативно обусловленные и внеситуативные контексты. В связи с этим

Г. Надь отмечает два понимания речевой ситуативности: а) связанность речевого акта с обстоятельствами, в которых он осуществляется (в этом смысле все говоримое ситуативно), б) определенная зависимость понимания смысла высказывания от этих обстоятельств (в этом случае и можно различать ситуативно связанные и внеситуативные контексты). Иногда взятые вне ситуации контексты не могут быть использованы для функционального анализа семем. Так, контекст *Я хотел бы купить масла* ничего не говорит о функции, т. е. о соотносительности с объектом семемы *масло*, если мы не знаем, идет ли речь о продовольственном магазине или о бензоколонке. Во внеситуативных контекстах функции семем определяются отношениями между ними (например, *Рим строит на семи холмах*).

В разделе «Отношения в контексте» автор раскрывает диалектику устойчивого и изменчивого, бытия и становления в содержании языковых элементов, причем упор делается на выявление динамического, неустойчивого, субъективного в контекстуальных употреблении семем, смысл которых в контексте не всегда совпадает с понятием, обозначаемым соответствующим словом. Отмечается одностороннее и обоюдное влияние семем в контексте. Так, в сочетаниях *kleines Fenster* «маленькое окно» и *kleines Geld* «мелкая монета» значение прилагательного зависит от существительного, тогда как значения существительных не зависят от прилагательных. Но в *ein großes Haus* (*führen*) меняется значение и прилагательного (= «богатый») и существительного (= «хозяйство»). Автор подчеркивает, что носители языка не всегда отдают себе отчет в контекстуальных сдвигах в предметной отнесенности слов, которые словарь, однако, должен фиксировать. Например, *близко* имеет локальное значение в *Лес близко от города* и временное — в *Весна уже близко*. Отмечаются следующие аспекты отношений, которые должны приниматься во внимание при функциональном анализе семем: 1) отношение семемы к смыслу; 2) ее отношение к специфическому характеру контекста (во внеситуативном контексте семема может указывать не на конкретный объект, но на весь класс объектов); 3) отношение ее к другим элементам контекста; 4) отношение контекста к речевой ситуации; 5) роль рецептора в речевом акте. Так, в предложении *Сегодня опять плохая погода* понимание того, какая именно стоит погода: холодная, жаркая, дождливая, будет зависеть от того, какую погоду хотел бы видеть говорящий в данной ситуации. Творческий характер языка автор видит в том, что в каждом новом высказывании создается заново не только звуковая, но и смысловая сторона языковых элементов в их соединении. Но Г. Надь учитывает, что по-

стоянное создание заново отношения наименования, зависимости от ситуации, субъективности — лишь одна сторона речевого акта. Другая сторона, без которой речь была бы непокойной, — устойчивость, социальная детерминированность значения языковых элементов. Предполагается, что рецептор знает существенные моменты каждого значения используемых семем, что и обеспечивает понимание. Это постоянное представление, связанное со словом, составляет «внутреннюю форму смысла» (*die innere Form des Wort-sinn*), которая статична, социально детерминирована и может рассматриваться как рамка, которая в речи заполняется переменными элементами содержания, которые, однако, для понимания менее существенны, чем эта стабильная внутренняя форма. Когда мы говорим *Он уронил письмо*, слово *письмо* значит не вообще «письменное сообщение, направленное отсутствующему», но конкретный лист бумаги с таким содержанием. Последнее составляет содержание семемы, тогда как приведенное общее определение — ее внутреннюю форму. То, что в языковой системе статично, объективно, то в речевых актах динамично, изменчиво, субъективно. Бытие языкового элемента превращается в речи в становление. Без этого диалектического единства бытия и становления язык не мог бы функционировать, т. е. не могли бы иметь место речевые акты и достигаться взаимопонимание между говорящим и слушающим. Надо отметить, однако, что если рассматривать проблему в противоположном — ономастологическом — плане, то отношение, возможно, окажется обратным: обозначаемый референт будет выступать как постоянный элемент, тогда как способ обозначения («внутренняя форма») как переменный, субъективный аспект речевого акта.

В следующем разделе главы о номинативной функции семем показывается эксплицитным образом, как проявляется в контекстах и снимается в слове противоречие, состоящее в том, что, с одной стороны, значение семемы следует искать в контексте, а с другой, постоянные лексические языковые значения слов не могут быть установлены вечно изменяющемся контексте (стр. 38). Чтобы отделить подвижное от устойчивого, необходимо рассматривать семему во многих контекстах, упростить контексты так, чтобы отделить их от конкретных ситуаций. Автор показывает, что лексикографическая редукция контекстов проходит через ряд этапов-трансформаций: полные (живые, ситуативно обусловленные) контексты → типы контекстов → упрощенные контексты → элементарные контексты (ЭК). Процедура наглядно показывается на примере глагола *fühlen* (стр. 40). Фраза из *l'été* «... So nimmst auch den schönsten krug, den wir mit

dem frischem trunk gefüllt» — полный контекст — преобразуется в упрощенный контекст: *Wir füllen den Krug mit frischem Trunk*. Упрощенные контексты данного типа сводятся в элементарный контекст: *Jemand oder eine Abfüllmaschine füllt einen Behälter**. Некто или особый аппарат наполняет vessel (сосуд). ЭК представляет собой «глубинную» структуру контекстов данного типа, выражаемую формулой: *S* (лицо, аппарат) + *füllen* + *Od* (vessel). Другой тип контекстов с тем же глаголом сводится к элементарному контексту с формулой: *S* (лицо, аппарат) + *füllen* + *Od* (жидкое, сыпучее или кашеобразное вещество). Так, при помощи ЭК четко различаются два значения глагола: «наполнять что-л. (чем-л.)» и «наливать, насыпать, накладывать что-л. куда-л.». Так же выделяются и другие типы контекстов с глаголом *füllen*, причем каждый из них характеризуется особой формулой и специфическим значением глагола. Всякий тип контекста может быть символизирован своим «репрезентантом» (например, тип I: *Некто наполняет жидкостью сосуд*). Однако, если для слов-акциденций (глаголов, прилагательных) установление ЭК сравнительно несложно, то для слов-субстанций (существительных) ЭК выявляются с трудом. Автор вводит понятие виртуальных элементарных контекстов, которые формулируются не в виде костяка реальных фраз, но отражают лишь отношения. Так, сравнивая репрезентанты контекстных типов: 1) *ein Haus bauen*; *die Tür eines Hauses*; 2) *ein Freund des Hauses*; *das ganze Haus ist verweist*, мы обнаруживаем, что в первом случае семема может быть соотносена только с понятием здания, тогда как во втором — с группой людей. Отсюда автор делает вывод, что можно говорить о виртуальных ЭК, которые ограничивают значение слова *Haus* как «дом» или «семья». Элементарные контексты достигают высокого уровня абстракции, так что не всегда можно установить, относятся ли они к языку или к речи. Во всяком случае, они существуют в сознании говорящих и выступают как образцы при создании новых ситуативных контекстов. Полный контекст, определяющий актуализированное значение семемы, соотносится с определенным контекстным типом, в котором воплощается уже лексическое, языковое, общепринятое значение. Так выявляется подчиненность конкретного всеобщему в значении слова. Речевой акт представляет собой не только синтез статического и динамического, но и единство конкретного и абстрактного.

Автор подчеркивает роль контекста и при разграничении значений слова. Взяв под сомнение эффективность переводного, синонимического и определительного методов выяв-

ления значения слов, он видит более надежный критерий в различении тех типов контекста, в которых встречается слово. Однако такое различие, вытекающее из синтагматических связей слов, релевантно лишь в том случае, когда значению все же можно дать четкое определение. Вместе с тем и здесь автор стремится показать диалектику стабильного и изменчивого, дискретного и недискретного. Между значениями слов нет четких границ: типы контекстов в их совокупности подобны цветовому спектру, где краски переходят одна в другую постепенно, так что границы между ними могут проводиться различно. Поскольку объект, обозначаемый словом, обладает разными признаками, то в основу определения могут отбираться различные признаки в зависимости от точки зрения говорящего, отчего одно и то же слово в том же значении может получать различные определения. Автор считает, что лексикографическое определение призвано не столько раскрыть признаки понятия, обозначаемого словом, сколько показать те признаки, которыми пользующиеся словари могут отождествить имя со смыслом. Это положение ведет к выводу, что в толковом словаре примеры (контексты) могут играть большую роль, нежели определения².

Контекст оказывает большое влияние на изменение значения слов, на развитие многозначности. В ходе исторического развития устанавливается новая общепринятая для данного коллектива номинативная функция семем. Автор рассматривает три аспекта влияния контекста на семантическую функцию системы.

1. Отказываясь от терминов «понятийное поле» и «лексическое поле», получивших многозначность в современной науке, Г. Надь, вслед за чехословацким лингвистом Б. Филиппом, пользуется термином «к о о р д и н и р о в а н н ы й ряд слов» (*koordinierte Wortreihe*) для обозначения группы слов, «смысл которых в понятийном отношении соотносится с одним и тем же родовым понятием». Таковы названия дней недели, месяцев, цветов, народов и т. п. Слова одного

² Интересный опыт осуществления этого принципа мы находим во французском толковом словаре: М. Д а в а у, М. С о б е н, М. Л а л л е м а н д, *Dictionnaire du français vivant*, Paris, 1972. Значения слов здесь иллюстрируются типовыми фразами (= «репрезентанты типов контекстов» у Г. Надь), за которыми следуют краткие определения и синонимы. Показательно, что этот принцип оказался приемлемым для глаголов и прилагательных, тогда как для существительных, напротив, определение более эффективно, чем пример, который в этом случае не приводится.

ряда встречаются в одинаковых типах контекстов, в каждом из которых они реализуют определенный оттенок значения (семантическую функцию). Так, названия учреждений (институт, театр, библиотека и т. п.) имеют значения: а) «организация»; б) «общность людей, коллектив»; в) «здание, помещение», которые выявляются соответственно в таких «репрезентантах типовых контекстов», как: *Директор института (театра, библиотеки)*; *Весь институт (театр) уже анал*; *Встретиться у института (театра)*. К ним можно было бы добавить четвертую семантическую функцию: время, проведенное в данном учреждении: *после института (театра, библиотеки)*. Семантическая структурность лексики, как отмечает Г. Надь, состоит в том, что любое слово, в том числе и неологизм, попадающее в данный ряд, получает обязательно все соответствующие значения. Это явление, которое автор называет «приспособлением слова к новому значению» (*Bedeutungsanpassung*, стр. 62) лежит в основе ряда процессов, отмечавшихся в общей семантике: регулярной или скрытой многозначности, скольжения значения слов.

2. Тип контекста рассматривается автором как своеобразное семантическое управление, при котором значение слова зависит от значения того слова, с которым оно связывается. Понятие семантического управления позволяет отличить метафору от нового значения слова (так называемой стершейся метафоры). В сочетаниях *ножка стула (стола, кровати)* мы имеем не метафору, но самостоятельное значение семемы *ножка*, поскольку здесь — определенный тип контекста, и любое слово, входящее в тот же координированный ряд, что *стол* и *стул*, вызовет то же значение у слова *ножка* при сочетании с ним. Если же при сочетании слов контекстный тип не образуется, так что данный контекст остается единственным в своем роде, то создается метафора.

3. Номинативная функция семемы изменяется в связи с различием информативной ценности слова в контексте. В контекстах *Он был два месяца в Италии* и *В чудесном месяце мае* семема *месяц* имеет одинаковое значение «двенадцатая часть года». Однако в первом случае слово не может быть устранено без изменения информации, но может быть заменено другими словами того же координированного ряда (*год, неделя*) с изменением смысла сообщения, но без ущерба для его грамматической правильности. Во втором примере оно может быть опущено, но не может быть заменено. Здесь оно утрачивает свою информативную значимость и десемантизируется. Аналогичное явление автор прослеживает в других контекстах с иными словами.

В свете своей контекстуальной теории Г. Надь стремится дать определение фразеологии. Фразеологизм есть сочетание слов, не образующее типового контекста, формирующее лишь единственный контекст. Основываясь на известных положениях Ш. Балли и В. В. Виноградова, он развивает свою концепцию фразеологизма, показывая его отличие от пословиц, изречений и других явлений, которые изучаются в паремииологии. Он насчитывает семь типов устойчивых сочетаний слов (речения, сравнения, биномы типа *коротко и ясно*, глагольные аналитизмы типа *иметь намерение*, терминологические выражения типа *железная дорога*, крылатые слова, нефразеологизированные пословицы). Последние два типа не включаются им в состав фразеологии. В заключение этого раздела делается попытка классификации свободных сочетаний с точки зрения связности их компонентов, их совместности. Из выделяемых здесь четырех типов для лексикографии наибольшее значение имеют сочетания, отражающие характерные для данного языка употребления слова (*зарабатывать деньги, поддерживать добрососедские отношения* и т. п.). В целом в разделе о фразеологии советский читатель найдет мало нового материала. В некоторых случаях автор повторяет известные положения, нуждающиеся, однако, в критическом анализе. Так, вряд ли безусловно правильно положение о немоделируемости фразеологизмов. Если во фразеологизмах видеть не языковые случайные курьезы, но особый тип лексических единиц, то необходимо выявлять и исследовать модели, по которым они создаются (в их структурном и семантическом аспекте). Эти модели могут быть более или менее продуктивны, как это имеет место в отношении словообразовательных моделей при построении слов, но они, по-видимому, существуют, и их анализ — важная задача фразеологов. Касаясь аналитических сочетаний типа *die Absicht haben* (= *beabsichtigen*), *иметь намерение* (= *намереваться*), автор утверждает, что они лишние и неправомерные в языке, что их использование придает стилю отпечаток канцелярского языка (*des Papierdeutsch oder des Kanzlei-deutsch*), что они встречаются главным образом в книжной речи и их можно заменить одним глаголом. Это мнение нередко высказывается, когда речь идет об аналитических глагольных речениях, и оно заслуживает того, чтобы на нем остановиться. Слово сочетания указанного типа с «опустошенным» глаголом и транспозицией глагольной семантемы в существительное, свойственны не только «бумажному» или «канцелярскому» языку. Они отмечаются и в бесписьменных языках, в истории любого языка на самом раннем этапе его развития, они чрезвычайно употребительны в разговорной ре-

чи, нередко заменяя синонимичные простые глаголы. Видимо, такие словосочетания являются языковой универсалией, связанной со стремлением давать процессу название в номинативной форме, как и материальным объектам, а также с тем, что они позволяют выразить залоговые, видовые, фазисные, модальные и другие оттенки действия более дифференцированно, чем отдельные глаголы.

В главе о грамматических функциях семем подчеркивается неразрывная связь этих функций с номинативной функцией; рассматриваются функции, позволяющие семеме уточнять или проявлять свою определенную номинативную функцию в контексте. К таким грамматическим функциям автор относит прежде всего принадлежность слова к определенной части речи, управление, грамматический род.

Стилистическая функция и ее семемы, в которой отражается многосторонний характер лингвистического знака, заключается в передаче отношения говорящего к его высказыванию. Стилистическая окраска — дополнительная, но обязательная функция языковых элементов, она обогащает контекст дополнительной информацией. Автор отмечает источники стилистической окраски и подчеркивает связь стилистической функции с номинативной (так *Аас* «падал» стилистически нейтрально при отношении слова к трупам животных и стилистически окрашено при соотнесении с липом).

В синонимии автор видит основной путь к систематизации лексических единиц языка. Для определения и разграничения синонимов он предлагает использовать анализ семем в типах контекстов. Если данная семема замещается иной при сохранении значения контекстного типа или его репрезентанта, то эти две семемы синонимичны (стр. 112). По мнению автора, такой подход позволяет избежать как чисто понятийной трактовки синонимов (близость выражаемых словами понятий вне контекстов), так и чисто контекстуальной синонимии, которая строится на взаимозамещимости семем в единичных контекстах, а не в типах контекстов. В заключение автор дает теоретическое обоснование типа синонимического словаря, объединяющего алфавитный и семантический способы подачи лексики (такая организация свойственна большинству синонимических словарей).

Как видно из содержания содержания книги, многие затрагиваемые в ней проблемы обсуждались в советском языковедении (использование синтаксических моделей для разграничения значений слова, регулярная полисемия, десемантизация, разграничение синонимов и многие другие). Несомненный интерес рецензируемого труда состоит в следующих

трех аспектах: 1) проблемы семантики рассматриваются в свете единой теории и контекста, с точки зрения функционирования слова в контексте, во взаимосвязи речевого и языкового аспектов, а не только в плане языка-системы. Автор делает заслуживающую внимания попытку проникнуть в диалектику отношений части и целого: слова и высказывания; 2) проблемы рассматриваются в лексикографическом аспекте. Книга Г. Нады показывает, как исследователь-лексикограф переходит от анализа лексических единиц в их текстурально-речевых употреблении к анализу их существования в качестве элементов языковой системы. Ее ценность следует видеть в теоретическом осмыслении и максимальном эксплицировании того пути, который реально проделывают составители словарей; 3) интересный аспект предлагаемой Г. Надем стратификации контекстов, при которой постоянно учитывается взаимодействие и взаимозависимость лексического и синтаксического в организации высказывания, состоит в том, что она позволяет уточнить понимание глубинных структур и процессы порождения речевых высказываний в конкретных ситуациях. Ставя вопрос о том, каким образом человек, говорящий на данном языке, приобретает способность строить бесконечное число правильных высказываний, Хомский не обратил внимания на другую сторону творческого характера языковой деятельности: каким образом человек получает способность строить эти правильные высказывания быстро, почти не задумываясь (речь идет, разумеется, о повседневном общении, а не о литературном творчестве с его муками слова). Между тем ни базовые синтаксические структуры Хомского, лишенные первоначально лексического наполнения (причем Хомский так и не объяснил, каким образом лексика сочетается с грамматикой в его глубинных структурах), ни семантическая репрезентация семантиков-генеративистов (Лякофф и др.), выводящая глубинную структуру за пределы языковых форм — в логику и физику объективного мира, не способные адекватно отразить тот реальный операционный материал, который находится в сознании говорящего в момент порождения высказывания и на базе которого это высказывание строится. По-видимому, таким материалом являются лексико-синтаксические цепочки, аналогичные контекстным типам Г. Нады. Виртуальным лексическим наполнением синтаксических позиций в этих цепочках являются не отдельные слова, но упоминаемые Надем координированные словесные ряды, из которых избирается необходимое слово. Наличие в сознании говорящих словесных рядов и контекстных типов (последние и представляют собой, по-

видимому, реальные «глубинные структуры») позволяет почти автоматически подбирать к данному типу контекста нужное слово из координированного ряда и быстро формировать правильное высказывание в условиях конкретной си-

туации. В этом плане некоторые мысли, высказанные в рецензируемой книге, заслуживают дальнейшего развития.

В. Г. Гак

А. Т. Базисев, М. Н. Исаев. *Язык и нация*. — М., «Наука», 1973. 247 стр.

Среди важнейших проблем социальной лингвистики особое место занимает проблема «язык и нация». Разработка этого вопроса находится на стыке целого ряда общественных наук и требует широкого привлечения не только лингвистического, но и социологического, исторического, философского материала. Этим следует объяснить, в частности, явную недостаточную разработанность указанной проблемы: опубликовано буквально несколько специальных исследований, что отнюдь не соответствует огромной значимости самой проблемы.

Значимость проблемы объясняется в основном двумя ее аспектами — внутренним и внешним.

Коммунистическая партия Советского Союза проводит последовательную политику равноправия всех национальных языков и их свободного развития. Советский Союз являет наиболее яркий и рельефный пример того, как осуществляется при социализме связь и взаимодействие языка и общества, языка и нации. Этот опыт убеждает нас в том, что указанные связь и взаимодействие отнюдь не просты и не прямолинейны: если политика равноправия и свободного развития языков ведет к обогащению их выразительных возможностей и их укреплению как систем, то достижение дружбы и единения всех народов многонационального Советского Союза, наоборот, вызывают к жизни тенденцию к выдвиганию и все большему распространению единого общепонятного межнационального языка. Одновременное существование этих двух процессов в итоге дает исключительное разнообразие форм и проявлений двуязычия, многоязычия, сотрудничества и взаимодействия языков в СССР. В связи с этим возникает большое количество вопросов как теоретического, так и практического планов, требующих неотложного рассмотрения и научного освещения, ибо эти вопросы теснейшим образом переплетаются с важнейшими направлениями исследований языковедческой науки и с делом коммунистического строительства в нашей стране. Уместно здесь напомнить слова Л. И. Брежнева: «Подобно тому как в промышленности и сельском хозяйстве мы не можем теперь делать буквально ни шагу вперед без помощи во-

вейших достижений науки, так и в нашей общественной жизни развитие науки — необходимая база для принятия решений, для повседневной практики»¹.

Переживаемая нами эпоха характеризуется невиданным ростом национально-освободительных движений, окончательным распадом колониальной системы империализма, появлением десятков развивающихся государств. В процессе строительства нового общества руководящие политические партии и правительства этих стран сталкиваются с целым комплексом национально-языковых проблем, оставшихся в наследство от колониального прошлого. В поисках путей решения этих проблем прогрессивные силы, естественно, обращаются к опыту Советского Союза, где решен национальный вопрос и его составная часть — проблема языков. Это обстоятельство делает чрезвычайно актуальным изучение богатейшего советского опыта языкового строительства и языкового развития. Выполнение этой важной исследовательской работы, убедительный показ советского опыта решения языковой проблемы, претворения в жизнь принципов свободного развития национальных языков на основе равноправия и взаимообогащения, их сотрудничества, превращения одного из равноправных языков (русского языка) в общий межнациональный язык, — все это является интернациональным долгом советских ученых, представителей всех гуманитарных наук.

Глубокое исследование проблемы «Язык и нация» за последнее десятилетие осуществляется, в частности, благодаря целенаправленной деятельности Научного совета по комплексной проблеме «Закономерности развития национальных языков в связи с развитием социалистических наций». В трудах членов совета (И. К. Белодеда, В. А. Аврорина, Ф. П. Филипа, В. Н. Ярцевой, Н. А. Вaskaкова, Ю. Д. Дешериева, М. И. Исаева, В. Г. Костомарова, И. Ф. Протченко и других видных социолингвистов) получили освещение многие вопросы развития национальных языков СССР. Наряду с этим имеется немало работ философов

¹ Л. И. Брежнев, О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик, М., 1972, стр. 58.